

Василий Головачёв

МАГАЦИТЛЫ

T8 RUGRAM

УДК 82-312.9
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Г61

Миры Василия Головачёва

Головачёв, В.В.

Г61 Магазитлы / В.В. Головачёв — М. : Т8 Издательские технологии/RUGRAM, 2019. — 344 с.

ISBN 978-5-519-65973-4

Дух романтики и жажды странствий, который однажды погнал петроградского инженера Мстислава Сергеевича Лося в межпланетное путешествие на Марс, переносит Тараса Жданова и Настю Белую в один из инвариантов Метавселенной, иначе сказать, в одну из Ветвей Древа Времён, параметры реальности которой совпадают с описанной в начале XX века Алексеем Толстым в романе «Аэлита». Поиски героев любимой книги превращаются для молодых людей из рискованного приключения в серьёзное расследование. Найденный на Марсе Артефакт, если его не обезвредить, способен уничтожить не только Солнечную систему, но и всю Ветвь. Однако есть те, кто заинтересован активировать этот атрибут Метагалактической Игры. Родина Аэлиты становится полем боя за будущее Детей Неба.

УДК 82-312.9
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FLC
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-519-65973-4

© Василий Головачёв, 2003
© Т8 RUGRAM, оформление, 2019

*Вдруг – это было на мгновение – будто облачко скользнуло
по его сознанию: не во сне ли он все это видит?..*

А. Толстой. «Аэлита»

Глава 1

ДУША ЗОВЕТ

Странное дело: он совсем не помнил ее лица! Помнил отдельно полураскрытые чувственные губы, тонкий нос, огромные зеленые глаза с влажным блеском, воздушный абрис... сердце замирало, кровь водопадом по жилам. Нежный голос: что такое счастье?.. Когда это было, где и с кем? И было ли вообще? Он силился составить в памяти образ любимой и — не мог. Только голова начинала кружиться, и сладкой болью отдавался в ушах голос: где ты, где ты, Сын Неба?..

Лось подхватился на кровати, провел ладонью по мокрому от пота лицу. Сказал глухо, отвечая зову:

— Далеко я от тебя, любовь моя... жди, скоро прилечу...

На мгновение она встала в памяти как живая... и ушла в незримые пространства, оставив горьковато-сладкий запах яда и смерти.

Лось поднялся в одной рубашке, подошел к окну. Глаза уколол бледно-серебряный лунный луч. Воспоминания обрушились на голову снежной лавиной...

Голубоватые очертания Соацеры, столицы Марса, уступы плоских крыш, решетчатые стены, увитые зеленью, зеркала прудов, прозрачные башни...

Гигантская статуя, потрескавшаяся, покрытая лишайником: каменный гигант стоял во весь рост, возвыша-

ясь над пустыней. Ноги его были сдвинуты, руки прижаты к узким бедрам, рубчатый пояс подпирает выпуклую грудь, на солнце сверкает ушастый шлем с острым гребнем, точно рыбий хребет... Скуластое лицо с закрытыми глазами улыбается лунообразным ртом...

Остатки циклопической стены у озера, лестница, две огромные сидящие статуи, заросшие ползучей марсианской растительностью. На ступеньках лестницы появилась молодая женщина. Голову ее покрывал желтый острый колпачок. Она казалась юношески тонкой, бело-голубоватая, рядом с глыбой вечно улыбающегося Магацитла.

Аэлита...

Сердце защемило так сильно, что Лось схватился за грудь, царапая ногтями кожу. Струдом сдержал стон... Он был одинок, когда улетал с Земли на Марс, он был одинок на Марсе, несмотря на все удивительные встречи, и не избежал одиночества, вернувшись домой, оставив в чуждадельной стороне, на другой планете, любимую, чьи предки когда-то также прилетели с Земли, — Аэлиту.

Кое-как успокоив сердце, Лось напился холодной воды, прилег на постель, но до утра больше не уснул.

Встал рано. Сварил кашу, съел пару ложек, пощипал черствого хлеба, вспоминая свои нынешние заботы и обязанности. Торопливо оделся и вышел.

Прошло четыре месяца с того момента, когда Гусев примчался за ним и повез в снегопад на радиотелефонную станцию, чтобы услышать сигналы с Марса. Это был не сон! Аэлита оказалась жива, каким-то образом ей удалось найти в хаосе войны работающую ра-

диостанцию и бросить в бездны космоса свою любовь и муку: где ты, где ты, где ты, Сын Неба?.. Лось услышал призыв, и его потрясение было столь велико, что он заболел нервами. Однако сумел выбраться из трясины психического срыва и начал лихорадочно готовить аппарат к новому полету на Марс.

В правительстве России помогать ему отказались, сославшись на отсутствие реальных доказательств значимости полета и весомой научной отдачи. Тогда Лось написал в газету, и ему со всех концов державы пошли письма: тысячи простых людей поддержали его идею и слали сбережения, веря, что Марсу требуется помощь.

К середине мая собранных денег хватило, чтобы начать ремонт аппарата. К концу мая Лось заготовил провиант, запасы ультралиддита — ракетного топлива, — купил кое-какую научную аппаратуру, дальнот действующие миниатюрные рации, загрузил в ракету мешок агитационной литературы, начал готовиться к отлету. Оставалось только найти попутчика.

Однако с попутчиком неожиданно случилась беда.

Гусев Алексей Иванович, скрасивший первый полет и по сути спасший Лося, лететь во второй раз на Марс не захотел.

— Извини, Мстислав Сергеич, — сказал он смущенно, отводя хитрые, простоватые глазки. — Не могу я сейчас лететь. Народ меня видеть желает, послушать про жизнь марсианскую. Да и Машка рожать собралась. Так что не обессудь. Вот месяца через четыре либо через полгода — полетел бы...

Лось посмотрел на сытое лицо бывшего красноармейца — бывшего комполка, как Гусев любил себя называть, — приобретшее черты некой значительности и барства, и понял — не полетит. Гусеву было хорошо и на Земле, где он наконец смог стать героем, свидетелем и описателем удивительных чужепланетных приключений. Ждать же Лось не хотел и не мог. Его позвали — он должен был лететь. Душа уже не жаждала одиночества, как прежде, она жаждала любви, стремилась к Марсу сквозь холод и мрак космического пространства. На Земле ему места не было.

Когда он разговаривал с Аэлитой о счастье, был уверен, что его оценка правильна. Для того, чтобы быть счастливым, надо было действительно не думать о себе. Ибо тот по-настоящему счастлив, в ком полнота, согласие и жажда жить для другого, для того, кто дает эту полноту, согласие и радость. Но здесь, в городе, где он родился и вырос, где осуществил свою мечту межпланетного перелета, не было той, ради которой стоило жить. И Лось с трудом заставлял себя не торопить события, понимая, что любой просчет в подготовке экспедиции может обернуться бедой.

С Гусевым он встретился еще раз, уже в конце мая, перед самым отлетом. Бывший попутчик сам приехал на Ждановскую набережную, где располагалась мастерская Лося.

Алексей Иванович вылез из роскошного автомобиля, предоставленного ему в распоряжение Наркомпросом, где у бывшего красноармейца оказались приятели из числа тех, с кем он брал Перекоп. В руках Гусев дер-

жал бутылку марочного коньяка и черный портфель с монограммой «ГАИ».

— Вот, пришел попрощаться, Мстислав Сергеевич, — заявил он бодрым голосом; одет Гусев был в добротный шевиотовый костюм в полоску и лакированные штиблеты. — Попутчика нашел?

— Нет пока, — отрицательно качнул головой Лось. — Журналист Скайлъс прислал письмо из Америки, он готов лететь, но летом, а я ждать не могу.

— Понимаю. — Гусев обошел очищенное от корки нагара, заблестевшее, как и прежде, ставшее чуть длиннее яйцо, постучал ногтем по клепаной обшивке. — Как новый наш корабль. Эхма, если б не Машка...

— А как твое «Общество»?

Лось имел в виду основанное Гусевым «Общество для переброски боевого отряда на планету Марс в целях спасения остатков его трудящегося населения».

— Да никак, — сморщился Алексей Иванович. — Как до дела — все в кусты, черти окаянные! Да и комиссариат денег не выделяет. Отряд большой нужен, однако, душ на тыщу, полк целый, эт сколько ж аппаратов надо? Где их взять? Хорошо, вот тебе средства дали на перевозку ракеты из Америки сюда да на ремонт.

— На ремонт я сам собрал. Двигатель новый теперь, получше, я много чего учел.

— Что ж, ты большой инженер, Мстислав Сергеевич, никто, кроме тебя, марсианской техники не понимает, а я вот... видишь... лектором заделался.

Гусев как-то безнадежно махнул рукой и принялся открывать коньяк.

— Ну что, выпьем за окончательное присоединение Марса к республике, Мстислав Сергеевич? Привет передавайте там, от Гусева, Аэлите, Ихожке тож, ежели жива, пусть не поминают лихом бывшего комполка. — Гусев хохотнул. — Помнят меня, наверное, устроил я им революцию!

Лось не без колебаний выпил полстакана коньяку. По жилам заструилось тепло, грудь размякла, жизнь стала казаться почти приятной.

— Ну, бывай здоров, Мстислав Сергеич, — вытер усы Гусев. — Держи ухо востро. Побольше золотишка привези оттуда. Я вот привез кое-что, хорошо оценили... — Он осекся, кося глазами. — Такие вот дела. Я тут оружие тебе привез, на всякий случай. Маузер, патроны, гранаты. Вдруг пригодится.

Он сжал ладонь Лося горячей влажной рукой, вышел, пошатываясь, из сарая.

Из-за лесов появился рабочий Хохлов, сказал осуждающе:

— Расплылся ваш дружок, вон какая рожа красная.

— Дело не в роже, — меланхолично ответил Лось. — Плохо, что душа у человека покоя запросила. Ты вот так и не хочешь со мной лететь?

— Не хочу, — вздохнул Хохлов, вытирая руки ветошью. — Что мне там делать, на Марсе? У меня на Земле полно дел, семья, дети.

Лось усмехнулся.

Все было почти как в тот день, перед отлетом, когда он разговаривал с помощниками о житье-бытье, предлагал попутешествовать на Марс. Ни Хохлов, ни